

Поэзия как судья | La poésie justicière

Auteur: © Жорж Нива (перевод © Н. Сикорской), [Женева](#), 15.01.2020.

Анна Ахматова (© DR/philologist.livejournal)

В конце 2019 года в парижском издательстве Le Bruit du temps вышли [«Беседы с Анной Ахматовой»](#) – перевод «Записок об Анне Ахматовой», мемуарно-биографического произведения Лидии Корнеевны Чуковской. Своими размышлениями о книге поделился известный французский славист, почетный профессор Женевского университета Жорж Нива.

La maison d'édition parisien Le Bruit du temps a publié, à la fin de 2019, les [Entretiens avec Anna Akhmatova](#) de Lydia Tchoukovskaïa. Georges Nivat, le slaviste de renom et professeur honoraire de l'Université de Genève a partagé ses impressions de cet ouvrage.

La poésie justicière

К какому жанру отнести огромный текст «Бесед с Анной Ахматовой»? Точно не к

жанру настоящих «бесед», поскольку речь идет о записях, наскоро деланных Лидией Чуковской после ее встреч с поэтессой: на скамье, в метро или в больничном коридоре. У Лидии Чуковской была феноменальная память. Лучше даже, чем у Анны Андреевны. И именно эта память была главным связующим звеном между ними. Но и «не главные» были сильнейшими. Первая оплакивала своего мужа, физика Михаила Бронштейна, арестованного, расстрелянного, дату смерти которого она узнает только во время Оттепели. Вторая отчаянно пыталась добиться освобождения Левы, своего сына от поэта Николая Гумилева. Очереди у ворот ленинградской тюрьмы, мучительные ожидания после подачи ходатайств, игра в кошки-мышки, которой развлекался Сталин с Ахматовой, как и со всей литературной братией, и, конечно, страх, страх, спаянный с осознанием своей славы: все это потрясаяще, и сцены, где две женщины пытаются воскресить стихи одной благодаря памяти другой, – это театр муз в глубине пещеры.

С одной стороны, это – вся истории России в плену у дракона, России, ведомой «грузинским Гелиогабалом», знавшим, как держать «своих» писателей в постоянном страхе. С другой, это вся литературная жизнь, превращенная в подобие общежития, в котором каждый борется за свое место, как в романе Ф. Горенштейна «Место».

Игра с Ахматовой была трагической: взлеты и падения, долгие периоды опалы и неожиданные возвращения в милость, как в 1939 году, когда по высшему указанию ее переиздали и литературные лакеи стали ее осаждать. Или в 1945-м, когда ей устроили в Москве *standing ovation* – но овации предназначены только для Отца народов. Вскоре последовало разоблачение Ахматовой и Зощенко Ждановым – и вновь от нее отворачиваются, вновь публичные поношения, пропасть, окружающая со всех сторон. Она думала, что причина – в визите родившегося в Риге английского дипломата и философа еврейского происхождения Исая Берлина, но скорее всего это не так. Несколько лет спустя она откажется вновь с ним встретиться, и эта «Невстреча» выльется в цикл прекрасных стихотворений.

Анна Ахматова взяла в качестве псевдонима имя татарского предка по материнской линии, Ахмата. Татарская жестокость, пробуждающаяся параллельно с желанием мести, пробудилась в ней не сразу. В начале ее карьеры критик Жирмунский объявил Ахматову «камерным поэтом», в музыкальном смысле слова. Это определение надолго пристало к ней и прозвучало даже в обвинительном акте Жданова. Но начиная с 1930-х годов, с усилением сталинского террора после убийства Кирова (по его же, Сталина, приказу), стало очевидно, что эта интимность таила в себе страшные муки и жажду мщения. Другой критик осмелился назвать ее «женщиной, не сумевшей вовремя умереть». Читайте: в монументальную советскую эпоху – пережиток элитистской богемы прошлого. Теперь она прислушивалась к нашептываниям страха, выстаивала огромные тюремные очереди, чтобы передать посылку сыну. Поэма «Реквием» проросла в ней. Поэт, говорила она Лидии, работает «с теми же словами, которыми мы пользуемся, подавая чай», соловей – враг поэзии. Но самые обычные слова в поэтическом превращении становились фатумом эпохи. «Прокаженная» мстила уличными словами.

«Поэма без героя» претерпела массу переделок и доработок: настоящая поэтическая стратиграфия, обнажающая геологические сотрясения сталинской ночи. То была поэма, «написанная хором», в создании приняли участие десятки слышавших ее в прочтении Ахматовой посвященных, предлагавших те или иные дополнения и параллели. Так, в «Записках» поэма меняется у нас на глазах, обтесываемая

бригадой «поэтических воспоминаний»: поэтическое созвездие, полет строф-метеоров, Насилие поглощается тем, что было поначалу сайнетой Серебряного века, того позднего Ренессанса в России, где все взялись «веснеть», если использовать стиль Ронсара.

Лидия Чуковская была дочерью специалиста по английской литературе, ставшего автором детских стихотворных сказок, которые знали наизусть все русские дети и, взрослая, хранили в своих сердцах. Лидия тоже была англицистом, а также специалистом по Герцену, чьи мемуары «Былое и думы», хроника борьбы против деспотизма и ужасных семейных драм, были ей очень близки. В Ташкенте она в течение нескольких месяцев собирала свидетельства осиротевших во время войны детей, малышей, не знавших даже своего имени, детей, повидавших ужас без всяких прикрас – младших братьев, брошенных в колодец на ферме, родителей, которым у них на глазах перерезали горло. Лидия была в душе судьей, поборницей справедливости, и результатом этих встреч стала книга «Слово предоставляется детям».

Лидия Чуковская – воплощение Эринии, вышедшей из русской интеллигенции 19 века и пророчествовавшей в самый разгар террора. Обратная ее сторона жестока для тех, кого она вызывает на свой интимный трибунал: она рубит с плеча, проклиная, раздевает донага своих товарищей по несчастью. Вместе с Анной Ахматовой они почти ежедневно вершат суд – с 1938 года до смерти Ахматовой в 1962-м, но с резким десятилетним разрывом с 1942 по 1952 годы, разрывом, необъяснимым для Лидии. Десять лет, в течение которых трибунал осудил самого себя.

А потом все восстанавливается в день воскрешения в памяти стихотворения «Подвал памяти». Тогда Лидия перечитывает свою «Ташкентскую тетрадь», и приговоры Ахматовой кажутся ей порой такими «бесчестными», что она берет ножницы и кромсает их. Ее дочь Елена, с удивительным самопожертвованием опубликовавшая огромное рукописное наследие своей матери, нисколько не скрывает факт этой удивительной цензуры. Анна Андреевна объявляет исключительные меры, не подлежащие обжалованию. Например, актриса Фаина Раневская, обожаемая в течение двух лет, переходит из милости в опалу. Обе женщины не могут перенести, что Борис Пастернак посвятил свои послевоенные годы Ольге Всеволодовне Ивинской, которую дважды отправляли из-за поэта в лагерь; они возводят на нее напраслину и доходят до того, что воображают, будто «плохие» главы «Доктора Живаго» написаны Ольгой...

Русская и европейская литература тоже, в свою очередь, предстают перед этим трибуналом: Толстой «полубог», но не видит никого, кроме себя, и других видит сквозь собственную призму; Чехов до смерти скучен и, в сущности, пишет для «фельдшеров и лавочников». Байрон «не слишком умен». Хемингуэй повторяется. Мориак «очень фальшив».

Поэзия было для них литературным «хлебом насущным» и в повседневной бедности и волнениях служила им «подмостками жизни» (Рене Шар). И главное в этом хлебе – русская поэзия, все партитуры, все оттенки звучания которой известны обеим женщинам. Читая переводы Пастернака из Китса, Ахматова, не слишком любящая его поэзию, заявляет: «Впервые это зазвучало по-русски».

Музыка – верховный судья Истории, Времени. Седьмая симфония Шостаковича

приводит обеих женщин в восторг. Композитор, как и поэт, – высший судия (но «несет свою славу как горб»). Поэзия – судья времени, ее сырье – человеческая жизнь. Террор стихает в 1960-х годах, лев больше не рычит, но вылезшие из сточных канав крысы преследуют человека до края земли. Стихи-приговоры наконец опубликованы после бесчисленных подпольных «воскрешений в памяти», и каждый раз, когда они звучат – теперь публично, раньше подпольно, – время отступает, и поэзия судит, улавливая «тайную связь» мира, и выносит свой приговор.

[русская культура в Швейцарии; русская история; русская литература](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/poeziya-kak-sudya>